

18+

ОДЕРЖИМОСТЬ

СБОРНИК РАССКАЗОВ И СТИХОВ

ИРЭН ОГИНСКИ

Ирэн Огински
Одержимость

«Издательские решения»

Огински И.

Одержимость / И. Огински — «Издательские решения»,

От ледяных ветров Астаны до удушающей тишины дома в Лос-Анджелесе и мрачных, психотических кошмаров Колдуотера — эта книга исследует самые тёмные углы человеческой фиксации. Эти истории стирают границы между виной и преданностью, разумом и безумием, любовью и разрушением. Вдохновлённая атмосферным, медленно разгорающимся психологическим напряжением и острой человеческой драмой, «Одержимость» предлагает незабываемое путешествие по неизгладимым шрамам памяти и души.

© Огински И.

© Издательские решения

Содержание

Несгораемый след	6
На покой	9
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Одержимость

Ирэн Огински

© Ирэн Огински, 2026

ISBN 978-5-0070-8533-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Несгораемый след

Астана в апреле — не город, а гигантская аэродинамическая труба, где даже самые громкие обещания теряют дыхание. Степной ветер, сухой и злой, вырывался по бульвару Нуржол, бил по стеклянным фасадам высоток, будто стучал по тонкому льду.

Кризис не шёл с заголовков газет, он проникал в их квартиру в «Хайвилле» каплями застоявшейся воды. Два последних года они жили как актёры, играющие спектакль «Счастливая семья из Караганды» для столичного бомонда, но слов не помнили даже после закрытия лифта. Они перестали ругаться, и это было начало конца. Тишина стала их языком. Алихан покупал прощение дорогими сумками задолго до проступка, а Айлин принимала эти жесты с ледяным достоинством, от которого мурашки ползли по коже. Они лежали в одной постели, а между ними была невидимая Сарыарка, холодная степь, которую невозможно пересечь пешком.

Он шёл, втянув голову в плечи. Кашемировое пальто, выбранное стилистами под образ «лица нации», казалось тяжёлым доспехом, который больше не удержать. За спиной — Айлин. Два метра плитки отделяют их друг от друга, но расстояние ощущается как каньон из битого стекла.

Они были парой из медиа: он — харизматичный лидер мнений, она — тихая тень с крепким фундаментом убеждённости, позволявшим ему светиться. Но теперь глянец треснул по всем швам.

Алихан остановился у парапета, глядя на Байтерек. Золотой шар отражал огни города, но для него он стал безразличным глазом циклопа. Что-то липкое и чёрное ворочалось внутри его солнечного сплетения. Не страх перед потерей контрактов. Над ними давно можно было перестать переживать. Это был страх перед молчанием Айлин.

Он вспомнил свой путь: Караганда, холодные сумерки Майкудука, запах угольной пыли, ввевшейся в кожу навсегда, общага с ржавой водой из крана и общей тетрадь для мечтаний — вот тот самый мир, где всё было просто. Рукописи были бумажными, любовь была осязаемой, как тепло старой батареи.

Айлин подошла и встала рядом. Не смотрела на него. Её взгляд ушёл за горизонт к Акорде — туда, где небо терялось в бетонной равнине. Лицо стало твёрдым, словно высеченным из карагандинского угля: чёрное, непроницаемое. Она знала каждый его шаг к падению: русскую модель, подворотню на мансарде, блески на пиджаке — эти детали стали частью его повседневной лжи.

— Здесь ветер пахнет иначе, чем дома, — тихо произнесла она. — Там он пахнет гарью и надеждой. А здесь — только озоном и чьим-то чужим успехом.

Алихан вздрогнул. Каждое её слово легло на плечо раскалённым свинцом. Ему хотелось закричать, упасть на колени прямо здесь, на глазах у папарацци, скрывающихся за колоннами торговых центров, но горло перехватило спазмом.

Квартира в «Хайвилле» встретила их пустотой, словно выветрившаяся из себя душа. Слишком много света, и нет ни единой нити жизни. Алихан шагнул в гостиную и остановился. Сердце окаменело. Это было не просто чувство, это тело бросило его в крошечный ад совести.

Он сорвал пальто, швырнул на пол. Галстук упал рядом как трофей прошлого. Казалось, одежда сжимает его, пропитанная потом измены. Он рухнул в кресло, спрятав лицо. Перед глазами обрывки кадров: ладонь на чужом бедре, вспышка камеры, глупый смех, который уже не может быть настоящим.

Он услышал, как Айлин снимает сапоги, как щёлкает выключатель на кухне. Этот ритм быта разбивал его сильнее, чем удар ножом.

— Айлин... — голос дрожал, как трещина в стекле.

Она вошла. В руках старый блокнот. Тот самый из Караганды. Он думал, что потерял его при переезде три года назад.

— Я хотела его сжечь, — она сказала без тона. Без страха. Без жалости. И это было страшнее всего. — Сегодня утром, увидев те фото из Бурабая. Я поставила блокнот над огнём.

Он поднял взгляд. Его глаза были мокрые и красные. Мужчину бросило в дрожь. Она стояла посреди залы — маленькая и хрупкая, но такая же монументальная, как горная гряда.

— Край загорелся, — продолжила она, проводя пальцем по обугленной обложке. — Пахло бумагой и тем самым временем. Я видела, как огонь жарит твои стихи, твои первые стратегии, мои списки продуктов на неделю — когда у нас было три тысячи тенге в кармане. Я хотела забыть всё это. Чтобы не было боли, не должно быть и памяти.

Алихан смотрел на неё не как на жену, а как на отражение собственного падения. Кризис разрушал их связь медленно, будто эрозия: сначала уходила уверенность, слой за слоем, из-под ног. Он искал ощущение значимости в постелях других, потому что дома, под её пронзительным взглядом, чувствовал себя ничтожным. Она была его совестью. Жить с совестью в Астане роскошь, которую никто не может себе позволить. Его тянуло к мимолетному, яркому и дешёвому. Их общая «рукопись» стала слишком тяжёлой.

Он сполз с кресла на пол и, всхлипывая, лбом прижался к её коленям. Это были слёзы не от боли, а от облегчения, но с отчаянием до костей. Он всё ещё ощущал запах гари от блокнота.

— Пламя не вышло за пределы раковины, — сказала Айлин, опустив руку ему на голову. Пальцы впились в волосы не ласково, а как факт — констатация без оценок. — Я бросила туда бумагу и залила её водой, но слова остались. Проступили сквозь пепел. Каждое «люблю», каждая клятва, каждый наш общий день — всё выжило.

Молчание затянулось. Она смотрела в окно на ночной город.

— В Караганде нас учили, что уголь — это спрессованное время. Его можно сжечь для тепла, но уничтожить нельзя. Оно превращается либо в энергию, либо в прах, который остаётся в лёгких. Мы не можем стереть то, что уже стало частью нашей ДНК.

Он поднял голову, глядя на неё снизу вверх. В её глазах отражались огни Астаны. Холодные и отдалённые.

— Твоя измена... теперь часть текста, — сказала Айлин. — Она здесь, вписана твоим почерком, даже если ручку ты не держал. Попробуешь вырвать лист — погибнет вся книга.

Алихан сжал её руки, пальцы стали белыми.

— Прости... — голос дрожал, он прижался лбом к её ладоням. — Готов сгореть дотла, если это сотрёт ту грязь, что я принёс в наш дом.

Айлин молчала. Тишина больше не давила. Она ждала. Потом медленно опустилась на пол рядом с ним, не сверху вниз, а на равных. Её палец коснулся его затылка, распутал узел галстука, освободив горло.

— Огонь не стирает грязь, Алихан. Он превращает её в камень. Ты прав. Рукопись не сгорит. Жизнь из Караганды, ошибки в Астане — всё это теперь единая страница. Вырвать нельзя.

Она взяла обгоревший блокнот, открыла первую чистую страницу. Ту единственную, что уцелела под слоем сажи.

— Но книга ещё не закончена. Есть выбор: закрыть навсегда или начать писать на этой обожжённой бумаге новую главу. Другой нет. Будем чувствовать запах дыма каждый день. Ты готов?

Он посмотрел на неё. Паники больше не было. Только тяжесть решимости. Взял её руку и прижал к сердцу.

— Готов писать столько страниц, сколько нужно, чтобы этот запах стал просто воспоминанием.

Айлин не улыбнулась, но её взгляд стал мягким как степь перед рассветом. Обещаний нет. Только слово «попробуем».

За окном Астана мерцала миллионами огней. Здесь, в круге света одной лампы, двое людей сидели на полу, прижавшись друг к другу. Они не забыли прошлое. Просто решили, что их будущее стоит того, чтобы хранить даже обгоревшую рукопись любви.

На покой

В доме в Лос-Анджелесе пахло так, как пахнет там, где жизнь медленно сворачивается: хлоркой, застоявшимся воздухом и какими-то аптечными спиртами. На тумбочках вместо журналов горы рецептов и баночки с таблетками, которые уже никого не лечат. Стерильно и тошно.

Чарли торчала у окна, глядя, как океан заглатывает остатки света. Та угловатая девушка с золотыми кудрями давно исчезла. Теперь перед стеклом стояла женщина с тяжелым разворотом плеч и взглядом, который много чего повидал. Но когда за спиной раздался звук — даже не шаги, а какое-то шарканье подошв по паркету, — она на секунду задеревенела. Словно снова стала тем восемнадцатилетней девчонкой, которая ждёт, когда её заметят. Или когда её похвалят.

— Приехала всё-таки, — голос Рассела был сухим, как осенний лист.

Мужчина выглядел паршиво. Тень самого себя. Болезнь жены выжала его досуха, оставив только торчащие скулы и какую-то серую безнадегу в глазах. Он замер в паре метров, не решаясь сократить дистанцию. Словно боялся обжечься.

— А я могла не приехать? — Чарли обернулась. В тусклом свете торшера её лицо казалось резким, почти грубым. — Как она?

— Спит. Врачи мнутя, но по глазам видно: пара дней, не больше.

Они замолчали. Воздух между ними вибрировал от этой тишины, которой было уже двадцать лет. И от той самой истории, которая вышвырнула Чарли в звёзды, а Рассела заперла в камере собственного стыда — стыда не перед законом, а перед самим собой.

— Ты почти такой же, Расс, — негромко сказала Чарли и сделала шаг вперёд.

Рассел криво усмехнулся, уставившись в пол.

— Врёшь. Я кончился в тот день, когда понял, что делаю. Не в смысле, что нарушаю что-то на бумаге. А в смысле, что беру девочку, которая на меня чуть ли не молится, чьё взросление я видел с пелёнок, и позволяю себе это. Ты была девчонкой, которая только вошла в эту индустрию, дочерью моих близких друзей. А я — твоим крёстным и тем, кто решал, снимут тебя ещё раз или нет.

— Ты ничего со мной не делал, — в голосе Чарли не было злости. Только странная, почти пугающая нежность. — Я сама лезла. Я сама хотела. Мне было восемнадцать, не пять. Я знала, что делаю.

— Знала, — эхом отозвался Рассел. — Только вот в чём штука: ты знала, чего хочешь. Но ты не знала, кем станешь, если я скажу «да». А я — знал. И сказал.

Оба коротко, болезненно хмыкнули.

Рассел наконец посмотрел ей в глаза. В этом взгляде был дикий коктейль из вины и какого-то фанатичного обожания. Для него это было тем, что он до сих пор не мог себе простить — не потому что закон, а потому что власть. Для Чарли — чем-то самым ярким и настоящим, что она прятала от всего мира все эти годы.

В «The End» было не продохнуть: техно долбило по мозгам, пахло кислым джином, потом и какими-то дешёвыми духами. Рассел ненавидел такие гадюшники. Но работа есть работа, и приходится таскаться туда, где якобы «кипит жизнь». Эту девчонку он заметил ещё в каком-то дурацком подростковом сериале. Харизма у неё была... странная. Дикая какая-то. Она не просто в камеру лезла, она из экрана хватала за горло. Дочь старого друга, приехавшая покорять Голливуд под его, Рассела, формальным присмотром.

И вот она тут. Живьём. Только вчера отпраздновала восемнадцать — Рассел узнал об этом из поздравлений её матери, между делом, как узнают дату релиза фильма.

Чарли привалилась к бару. Стойка липкая, куртка кожаная, вся в заломах, велика ей плечам, на башке — чёрт знает что, будто она только что из драки вылезла. Или из постели. В ней было столько дурной, прущей через край энергии, что Рассел со всеми своими вылизанными актрисами просто забыл, как дышать. Стоял и пялился на свою крёстную дочь, чувствуя, как внутри ворочается что-то тёмное и опасное.

— Вы так смотрите, дядя Расс, будто хотите либо выпороть меня за то, что я в баре, либо роль дать, — Чарли даже не обернулась толком. Голос хриплый, наглый. Рассел подошёл, пытаясь натянуть лицо серьёзного продюсера. Получалось так себе.

— Второе вероятнее. Видел тебя. Ты... ничего так. Для начала.

Чарли оскалилась. Зубы ровные, белые. Никакого страха перед «большим боссом». Один интерес, голый и нахальный.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.